

В О С Т О К

ЖУРНАЛ ЛИТЕРАТУРЫ, НАУКИ И ИСКУССТВА

К Н И Г А П Я Т Я Я

**„ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА“
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — 1925 г. — ЛЕНИНГРАД**

ЛЮ ШУЯ

КАК СМЕНЯЛИСЬ МОИ ИДЕАЛЫ

(Из одной китайской автобиографии)

Переводимая ниже статья помещена в журнале „Новый Китай“ (Синь Чжун Го), т. II, № 5, от 15 мая 1920 года, случайно попавшем к переводчику. Ее автор Лю Вэньдянь, по прозвищу (Лю) Шуя, если верить сведениям частного порядка, был профессором китайского языка в Пекинском университете, — обстоятельство, сообщаемое всей автобиографией особый смысл.

Статья Лю Шуя по своей искренности и крайней правдивости, — правдивости, если и не стереотипной, то, во всяком случае, типичной, — вероятно, одна из очень немногих, которые интересны иностранцу, как отражающая подлинного китайца наших дней.

Статья написана на новом „государственном языке“, языке „белом“, т. е. бесцветном, лишенном классических прикрас, а реально — разговорном северном со вставками из старого языка, с одной стороны, и крайними неологизмами, с другой. Этот язык еще слишком не выработан и, под давлением варваризмов, вряд ли настолько красочен, чтобы стоило его воспроизводить ритмически. Поэтому переводчик счел нужным передать китайский оригинал, пользуясь ресурсами русского языка несколько шире, чем он сделал бы то же для автора художественного произведения. При этом, все красочное заботливо сохранено, что, в свою очередь, потребовало большого количества примечаний. Впрочем, и это признается переводчиком еле-еле достаточным для читателя, хотя и обремененного уже тем, что есть.

Орфография китайца, как в смысле пунктуации, которая у него, как и во всех других статьях журнала, европеизирована, так и в смысле внедрения английского шрифта в китайский текст, оставлена неприкосновенною, или же передана в соответствующих формах.

В. А.

I

„Идейное“, да еще „превращение“, да еще „история“ его! Откуда бы во мне всему этому быть?

А посмотрите: старый китаец твердил, бывало, о „пути высшего человека“¹⁾ и о „доблести государева слуги“²⁾; штудировал „Он сказал...“³⁾, да „Строфы гласят...“⁴⁾; сочинял в стиле: „Ныне, вот...“, „К тому же, вот...“⁵⁾. Китаец же нынешний, молодой, изменился в умственном отношении очень сильно. Теперь он ежедневно твердит вам о „свободе“, о „реформах“. Куда ни пойдете, везде вы услышите речи о „дэмокалэси“⁶⁾, о „новом просвещении“⁷⁾; так что, хотя обаяние старого мировоззрения еще не исчезло окончательно, в жизни отдельной личности произошли какие-то большие перемены.

Я сам человек без всяких достоинств, представляю собой лично тип человека переходного времени. В молодости я таскался с косой и был начинен самыми старыми идеями. Теперь же я бегу по новым путям вслед за всеми, по пятам большинства. В промежутке между этими крайними моментами я прошел уж сам не знаю через сколько разных превращений, так что с этой стороны я имею рассказать историю моего личного духовного превращения. Однако, с другой стороны, она не более, как некоторое миниатюрное отражение истории современной китайской умственной жизни. Это как в биологии, где онтогенез (ontogeny)⁸⁾ есть только повторение филогенеза (phylogeny), или, выражаясь образно, это как в утробе

1) Учение Конфуция есть учение о человеке - совершенстве (шэн жэнь) и о высшем человеке, вырабатываемом путем сосредоточенно-внимательного и сознательного ему подражания. Для этого нужна наука, основанная на вдохновенном изучении канона античных книг, а также на применении их морали к собственному совершенству.

2) Учение Конфуция соединяло в одно: нравственное совершенство, исходящее из принципиального представления о высшей личности, и непосредственное приложение его к государственным функциям человека, стоящего между государем и народом.

3) „Он (учитель) сказал“ — так начинаются афоризмы Конфуция в его „Суждениях и беседах“ (Лунь Юй) и в „Трактате об обрядах“ (Ли Цзи).

4) Речь идет о канонической книге (цзин), античных стихотворений (Ши), которую Конфуций считал основой своего учения, толкуя ее историко-моралистским способом и делая выводы из каждого слова.

5) Русский перевод лишь кое-как передает игру китайской омертвелой евфонии, отличающей стереотипное подражание китайскому старинному стилю в экзаметрических сочинениях старого режима.

6) Здесь автор статьи транскрибирует иероглифами англ. democracy и ставит это в кавычках, давая этим понять, что речь идет о молодых китайцах, не знающих происхождения этого слова, а повторяющих его с чужих уст.

7) В отличие от „старого“, конфуцианского, основанного на углубленном понимании культурных основ Китая, отраженных в так называемых канонических книгах (цзин, ту).

8) Здесь автор статьи дает и свой термин (описательный) науки, и тут же, в вертикальной же обычной строке, английский его оригинал.

матери, где развитие зародыша требует повторения эволюции от микроскопического живчика до сложной человеческой особи. И мне кажется, что раз это есть в человеческом „теле“, должно быть и в его „духе“¹⁾.

Эволюцию народа можно в общих чертах проследить по эволюции индивида. Это, как сказано в известном „Люй’евом обозрении“²⁾: „Всматриваюсь в тень от дома, и заключаю о движении солнца и луны, о чередованиях дня и ночи. Взгляну в вазу, и если вижу там лед, заключаю о том, что в мире наступил холод и что, вероятно, рыбы и большие черепахи укрылись на зиму. Пробую кусок мяса — и сужу о вкусе всего котла“.

Затем я думаю, что история моего единичного крушения, в очень многом может послужить зеркалом для современной молодежи. Вот я и решил чистосердечнейшим образом изложить здесь историю моих прошлых умственных настроений. Боюсь только, что мой стиль слишком груб и слаб, чтобы представить вам все это в совершенно связной форме.

II

Я родился в уезде Хэфэй, губ. Аньхой... Местность наша располагает очень удобными сообщениями и находится недалеко от больших торговых портов, так что, судя с точки зрения нормальных явлений, культурный уровень у нас не должен бы стоять окончательно низко.

Увы! Население этих мест обладает одной удивительно странной особенностью: не очень-то любит читать, и даже по сей день, — уж я не буду говорить о современном западном просвещении, к которому они совершенно не причастны, но даже и старого-то китайского просвещения у них нет ни на волосок.

Судите сами: от Хойчжоу нас отделяет лишь река (Янцзы), но все идущие туда заниматься классической наукой должны бежать в Чжэцзян. Ведь наши хэфэй’цы не знают даже по имени таких людей, как Дэй Чжань, Цзян Юн, Ху Пэйхунь, Юй Чжэнсе³⁾!

От Дунчэн’а нас отделяет расстояние всего каких-либо двух дней пути. Тем не менее, Дунчэн’ские литературные образцы⁴⁾ до нас не доходят. А из великих ученых и крупных конфуцианцев,

1) Кавычки автора объясняются тем, что он берет старые китайские термины, придавая им лично некоторый новый (европеизированный) смысл и смеясь над ними.

2) Более точное заглавие этого сочинения, относимого к III в. до начала нашей эры, таково: „Люй’ева летопись“. „Обозрения“ сложных вещей, в том числе конфуцианских и прочих догм, есть только часть трактата, по которой он, для сокращения, и называется. Сочинение это приписывается одному из софистов того времени Люй Бувай’ю.

3) Это все государственные и научные деятели, известные в истории последних двух столетий своими печатными трудами и происходившие из губ. Аньхой.

4) Речь идет об образцовых произведениях, написанных талантливыми студентами и отмеченных экзаменаторами, или же самими квалифицированными уже учеными литераторами *ad usum scholarum*. Это так называемые „восьмичлены“ (багу), развивающие мысли на заданную тему по особым правилам, соблюдаемым с неумолимой точностью.

происходящих из нашего „ничтожного“¹⁾ уезда, нет ни одного, который в своих писаниях был бы достоин стать пра-пра-правнуком Фан Бао²⁾ или Яо Най³⁾.

Родившись в подобной местности, я в юные годы свои имел, конечно, так называемые „взгляды нормального человека“. У меня не было ни малейших сомнений или недоумений по поводу вопросов, касающихся мироздания или происхождения и жизни человека. Жизнь и есть жизнь. Мир и есть мир — вот и все...

Сюй-бень-хуа (Шопенгауэр) говорит, что у каждого человека есть метафизические концепции. Однако, с моей точки зрения, когда мне было 11 — 12 лет, все то, что человек именует каким-то там *Animal Metaphysicum*, было простым заблуждением.

И вот, в этой беспросветной тьме я жил до 12 — 13 лет. Зубрил как попало свои „каноны“ вместе со „старинным стилем“⁴⁾; умел писать изящные (?) произведения типа: „Теперь — вот — наша страна.... А к тому же, люди....“; внутри весь был полон настроения „поддерживать Цинов, уничтожить заморцев“⁵⁾... Да, как взгляну сейчас я на себя, каким был в те времена, вижу и чувствую, что был просто животным, без тени разума (Reason).

Затем, я услышал, как стали много говорить о разных европейских делах и вникать в новые науки. Я тоже решил заняться ими, и вот явился в местный христианско-миссионерский госпиталь, где стал учиться английскому языку у одного американского проповедника. Это было моим первым прикосновением к западной европейской культуре.

Я видел полное совершенство предметов, которыми миссионер пользовался. Каждый из них был для меня каким-то священным, непостижимым. И это меня удивляло, сражало... Мои тогдашние чувства и настроения были точно такие же, как чувства дикарей, впервые увидевших белого исследователя. Вы, господа читатели, конечно, все читали путешествия европейцев и американцев-исследователей; так вот, то, что там говорится о дикарях, впервые видевших белого человека, — говорится обо мне.

И стал я пристально раздумывать. И в самом деле, — говорил себе, — у этих западных людей есть какие-то особые дарования; да и вещи у них, какую ни возьми, все лучше наших китайских. Что же тут удивляться, что нам их не одолеть!

¹⁾ Лю ставит это выражение в кавычки, как образец пустословной самоуничижительной китайской вежливости.

²⁾ Фан Бао (1678 — 1749), — один из наиболее выдающихся „современных“ (с кит. точки зрения) ученых исследователей в области канонической и философской литературы, много пострадавший за свои идеи.

³⁾ Яо Най (1730 — 1815) — также один из выдающихся исследователей, литераторов, а главное, ученых издателей целого ряда древних текстов.

⁴⁾ „Старинный стиль“ — непосредственное развитие классического и архаичного, — особый условный язык, которым писались все выдающиеся художественные произведения, собранные в хрестоматии, которые, таким образом, обнимали собою литературу трех тысячелетий, как одно целое, уместяющееся в миропонимании и эстетике одной и той же личности.

⁵⁾ Поддерживать маньчжурскую династию Цин, как свято хранящую старокитайские заветы, и выгнать из Китая чуждых китайскому духу европейцев — было, действительно, девизом ученых и подражавших им китайцев вплоть до самой революции 1911 года.

Посмотрел я, опять же, на то, как они лечат. Вот уж где, действительно, искусство „Прикосновением руки творить весну“, или же „Раскройв чрево, вымыть кишки“¹⁾! За ними, думал я, не угнаться бы даже знаменитым, известным нам по книжному сказанию врачам Бянь Цяо и Цан Гун'у!

Миссионер научил меня обращаться с микроскопом, рассматривать в него мельчайших животных и кровяные белки. Затем брал элементарные приборы и производил передо мной химические опыты. Так в первый раз в жизни я воспринял благодать современной предметной²⁾ науки, да и вкус к биологии получил тоже в это именно время. Правда, из великого моря я попробовал всего лишь каплю воды, но соленый ее вкус я, кажется, познал, и, если б только мне с этого момента уйти именно в эту область знания, как специальность, то, при моей тогдашней молодости и столь глубокому вкусу к науке, к настоящему времени во мне мог бы образоваться, вероятно, солидный фундамент и для биологии, и для физики, и для медицины. Была бы, пожалуй, от меня и некоторая польза людям. Неужели бы это довело меня до нынешнего положения? Никогда! Однако, против ожидания, то, что мне казалось классически-прекрасным и действительно дорогим, — были все те же „священные каноны“ и „творения мудрых“³⁾, которые я как попало, вслепую, зубрил в своей юности. Они казались мне, по словам одного моего знаменитого однофамильца, столь совершенными, что каждая фраза была поэтична и велика, слова звенели чудесными яшмами, и все ухо было наводнено высокими, прекрасными звуками... „Так, — говорит у того же автора, — когда едешь по синему морю, можешь только испуганно дивиться его безбрежной мощи; когда всходишь на гору Тай, только и вздыхаешь от изумления перед ее крутизнами и высотой...“

А между тем то, что давал мне читать этот самый господин миссионер, были английские разговоры разных там овец с волками, попугаев с младенцами, или китайские переводы „Начала мира“⁴⁾, псалмов Давэя⁵⁾, и все в этом роде. Как сравнил я это с нашей китайской литературой, сейчас же почувствовал, что разница слишком уж велика. И вот, я составил себе такое суждение, что ученость Запада вся целиком лежит исключительно в плоскости внешне-материальной; что же касается до области изящной, изысканной литературы и нравственного учения, то Запад ничего этого не имеет.

1) Подобные хвалебные надписи пишутся огромными иероглифами на лакированной доске, дарятся искусным врачам и вывешиваются ими, в качестве рекламы, на дверях и стенах своего дома. Конечно, установить подлинность этих своеобразных свидетельств бывает трудно, тем более, что доски эти прочно висят целые столетия и переживают не одно поколение врачей той же семьи.

2) Так китайцы называют европейское знание, распределяющееся по специальностям, в отличие от китайской науки, смешивающей филологию, археологию, философию, литературу и прочее в одном канонически-ортодоксальном образовании.

3) Пять „основных“ книг и четыре трактата, лежащие в основе китайского конфуцианского образования, и литература о них, считающаяся также классической и обязательной.

4) Кн. Бытия.

5) Давида.

Вернувшись к себе, я увидел на столе у моего преподавателя книжки, в роде: „Сборник статей о деятельности людей Заморья“, „Сборник статей о современности“, „Новый сборник произведений авторов августейшей династии“¹⁾ — и в этих книгах я нашел точно те же суждения. Таким-то образом я фиксировал себе на мертвой точке следующую формулу: „Китайская наука есть существенное, а западная — его проявление в действии“²⁾. Я, значит, дышал, так сказать, одной ноздрей с нашими нынешними чиновниками „общей“ серии³⁾. Им, конечно, я предоставляю действовать как они хотят, а вот, если кто-либо из вас, учащиеся господа читатели, все еще держится подобного взгляда, то я, как жертва заблуждения, убеждаю вас: разрушайте его в себе как можно скорее!

III

В это время я, правда, от нового вкусил еще очень мало, но и яд старого во мне тоже был неглубок. Неожиданно для себя, я вскоре после этого попал во вторую, опасную для себя переделку.

Дело было так. Я ушел из дома и направился в Шанхай с целью сесть там за занятия. Шанхай в то время был душой и центром нового просвещения, и когда я туда прибыл, то, само собою разумеется, мои глаза и уши разом стали, так сказать, новыми.

Училище, в которое я поступил, было креатурой Патриотического Общества, так что вскоре по вступлении в него я уже был охвачен самыми крайними националистическими идеями. Эти идеи сводились к следующему: современное обеднение и ослабление Китая (на самом-то деле тогдашнее наше положение было гораздо лучше нынешнего!) всецело объясняется злом, происходящим от господства манджуров. Стоит лишь их всех истребить, как государство самым естественным и непосредственным порядком выздоровеет, правительство подчистится и просветлеет, а государственные средства, сами собой, станут обильными. При этом, конечно, все невзгоды наши, как внутренние, так и внешние, отпадут. Я не понимал тогда, в чем основа формирования государства и общества; не знал ничего о способах социального возрождения. Этим и объясняется, между прочим, что, когда впоследствии начались злоумышления Юань Шикая⁴⁾, то вся эта публика точно так же думала, что стоит лишь ему в один прекрасный день свалиться, как Китай сейчас же оправится.

¹⁾ Т. е. манджурской (1644 — 1911). Все эти сборники, появившиеся к концу XIX века, содержат в себе ряд любопытнейших откликов китайского ума и нахлынувшие в Китай потоки „нового“, европейского, просвещения.

²⁾ Этими терминами (ти и юн) в китайской философии означает приблизительно статика и динамика нашей терминологии. В оценке конфуцианских и даосских философов эти термины равновелики, но здесь, повидимому, автор подчеркивает их банальное понимание, дающее перевес первому над вторым.

³⁾ Т. е. чиновниками „общего“ образования, состоящего из всекитайского материала, без специальностей, требуемых западными системами образования.

⁴⁾ Речь идет о подготовленном и отчасти осуществленном проекте Юаня восстановить в своем лице самодержавие в 1915 году.

Однако в то время у нас, действительно, было „общее соглашение“¹⁾, — не то, что теперь, когда некоторые южане только и видят во сне, что они вот-вот разобьют северян, рассеют Аньфуцев²⁾ — и все сейчас же станет благополучным; а северяне, в свою очередь, тоже мечтают о том, как со снятием у южан нескольких голов, те не посмеют более скандалить. Все это, конечно, лишь сонная одурь, но в то время, о котором я сейчас веду речь, где мне было это понимать? И вот, мы собственную свою вину переложили на каких-то жалких пять миллионов манджуров и твердили каждый день, что надо дать им отпор.

Вслед за сим училище наше распалось, и я вернулся к себе домой, где поступил в среднее училище нового типа, которое, говоря по существу дела, было не училищем, а, как бы, тренировочным пунктом для лиц, свергающих господство манджуров. В него был приглашен наиболее яркий манджурофоб в качестве главного конфуцианского профессора. Он был, между прочим, один из тех наших крупных ученых конфуцианцев, которых тогда, что называется, раз-два и обчелся, и он, действительно, в области канона, „малых учений“³⁾ и словесности вообще взошел, как говорится, на самые вершины, достиг зенита. Даже если его сравнить, например, со знаменитым Чжаном из Юйхана, то все, что можно сказать, это то, что каждый из них был силен в своей области, а кто из них выше, кто ниже — различить было бы затруднительно.

В то время я был весь охвачен настроением, выражаемым в древних стихах:

Голоден — ем я мясо варваров Хуских,
Жажду — так пью кровь живодеров Хунну⁴⁾.

„Говорили“ у нас в училище о борьбе с манджурами, „говорили“ очень усердно, ну а про то, как мы писали сочинения, нечего уже и упоминать: и на уроке географии, и истории, и даже логики во главе сочинения обязательно требовалось притянуть несколько фраз, имеющих смысл ненависти к манджурам и намек на революцию.

Я отличался в этом особенно, и поэтому наш преподаватель был мною весьма доволен, доволен до того, что позвал меня для занятий к себе на дом.

1) Этим древним термином японцы, а вслед за ними и сами китайцы, называли республику, соединив, таким образом, чисто европейскую идею с древним междуцарствием, когда народ управлялся сам собой (841 — 828 до начала нашей эры). Впрочем, об этом термине, с точки зрения его происхождения, много разногласий.

2) Политическая партия.

3) Т. е. в отделе науки, который излагает учение о словопроизводстве, словонаписании, словорасположении и пр., т. е. о лексике и грамматике языка.

4) К сожалению, переводчик не может отыскать этой цитаты, — вряд ли, впрочем, данной правильно, — но смысл ее ясен: речь идет об исконной ненависти китайцев к угнетателям их кочевникам, — ненависти пропорциональной их вечной от них зависимости. Известно, что даже трон богдыхана (слово монгольского происхождения) был часто в руках инородцев (турки, монголы, манджуры).

Основным принципом его преподавания были следующие восемь великих слов: „Спи, ешь — Сюй'еву книгу ¹⁾; сверли, долби Сю'в сборник“ ²⁾. Как только я впервые с ним познакомился, он сейчас же меня спросил, занимался ли я этими двумя книгами. — „Никогда даже не видал их“, — ответил я. И вот, он начал с преподавания мне этих книг.

А в это время преподавание в нашем училище было мизерно до последней степени. Английскому языку нас учил какой-то чертенок из одной иностранной фирмы, математике — тоже не очень-то светлая голова; а что до предметов, в роде биологии, химии, физики, и вообще естествоведения, то они иногда появлялись, иногда же исчезали.

По географии и истории у нас был опять все тот же преподаватель отечественной словесности, замещавший специалистов. Когда он преподавал нам историю, то занимался исключительно подбором массы анекдотов, не имевших ни малейшей между собою связи. Он начал с древней истории, пользуясь для этого известными сочинениями Ло Би ³⁾ и Ма Су ⁴⁾, в том числе и их методами изложения. И вот, когда мы уже кончали училище, он дошел только до... Цинь ⁵⁾.

Преподавая географию, он большею частью ограничивался ссылками на разные „Исследования“ и „Толкования“, которые не-специалисту по географии вряд ли могли быть полезны.

Таким образом, единственно чему стоило учиться, была отечественная словесность. Все же прочие предметы изучать было незлзя, даже при желании. Я твердо решил всецело заняться изучением родной словесности и избрать ее своею специальностью, порвав для этого всякую связь с современными предметными науками и закаляя себя, как говорится, в „устремлении и любви к древности“.

Видя это, мой учитель все более и более меня поощрял и награждал.

¹⁾ Речь идет об „Изыяснителе Начертаний“, словаре Сюй Шэн'я, появившемся около 100 г. нашей эры. Это первая попытка дать более или менее систематический свод графических групп китайской иероглифики с основными пояснениями каждого слова. Этот иероглифический лексикон имеет огромную литературу, и здесь речь идет, вероятно, об одной из наиболее видных редакций и обработок этой книги (напр., Дуань Юйцай, 1735 — 1815).

²⁾ „Сборник изящной литературы“ (Вэнь Сюань), составленный Сюэ Тун'ом, наследным принцем династии Лян, и потому именующимся Чжао Мин Тайцзы (Светлый Царевич) (501 — 531 нашей эры). В него вошли представители всех родов литературы (числом до 40). Так как эта хрестоматия обнимает произведения разных эпох, то для ее понимания составлялись особые толкования. Чтение древних од, помещенных в этой книге, напоминает иногда чтение диовинного словаря.

³⁾ Этот автор XII века составил свою историю, вопреки конфуцианской традиции, начиная с отдаленнейших времен, о которых говорят только предания, считающиеся конфуционскою школою апокрифическими, и диосское учение. Достаточно сказать, что в 47 книгах автор успел довести свое изложение лишь до конца первой династии Ся (XVIII в. до начала нашей эры). Однако сочинение это славится своим отличным, сильным стилем и умелым введением в текст цитат.

⁴⁾ Эта огромная компиляция XVII века, состоящая из 160 томов, точно так же растет в доисторических временах, заканчивая изложение III в. до начала нашей эры. Изложение отличается систематичностью и связностью. Кроме того, сочинение изобилует многочисленной, обильной аргументацией.

Разумеется, оба сочинения для преподавания совершенно не годятся. Европейцы ими также еще не занимались.

⁵⁾ III в. до начала нашей эры.

IV

И вот, этот мой учитель мне говорит:

— Все западно-заморские предметы наук у нас в Китае давно уже имелись!

Я тогда упомянул о пароходах.

— Как раз в древнее время у нас и это было. Смотри в Сун'скую историю ¹⁾, биографию Ио Фэй'я ²⁾.

Я раскрыл Сун'скую историю, читаю: и в самом деле, там говорится про суда некоего Ян Гун'а, что они „колесами пенили воду и шли, словно летя“.

Я назвал тогда геометрию.

— Геометрия наиболее хороша у Мо-Цзы ³⁾, — сказал учитель.

Раскрываю Мо-Цзы, читаю — и, действительно, нахожу у него определенное суждение о круге и о четырехстороннем теле.

— Вот, — говорю я учителю, — учение Maltus'a о „человеческих ртах“ (населении) мне кажется ничего себе.

— Да, — отвечает он, — но об этом говорит, между прочим, Хань Фэй-Цзы ⁴⁾, живший давным-давно. Смотри в главе „Пяти порч“.

Читаю, — действительно, там стоит следующее:

— „У нас сейчас иметь пятерых сыновей не считается за много, но каждый сын тоже будет иметь пятерых, так что дед еще при жизни может иметь 25 внуков... Вот почему народ все увеличивается, а средства к жизни уменьшаются; труда становится все больше, а питания все меньше“.

И таких примеров давал он мне очень много. Жаль, конечно, что мои тогдашние познания, только что приобретенные, были чем-то в роде чешуйной планки или полукогтя: ничего целого... Я ничего не понимал ни в методе современной науки, ни в ее системах, ни в ее ценности. Мне, правда, случилось перелистывать эти, так называемые, книжки „новой науки“, но оттуда я почерпал какие-то обрывки, куски, так что, когда я учителя спрашивал, то, ему, конечно, ничего не стоило найти в этих самых „тонких выдержках из старых книг“ один-другой пассаж, напоминающий — и то лишь как будто — то, о чем спрашивают. А я ему всецело верил и вместе с ним считал, что вся западно-заморская наука, с ее отдельными дисциплинами и философией, давно уже трактовалась и обсуждалась в китайских книгах.

¹⁾ История династии (Чжао) Сун (960 — 1279), составленная монгольским министром и воеводой То То (1313 — 1355). Мнения китайских ученых о ней, между прочим, отрицательного характера, так что сведения, в ней находимые, должны быть приняты с осторожностью.

²⁾ Известный всему Китаю герой-генерал (1103 — 1141), сражавшийся против овладевавших Китаем чжурчженей и погибший от козней временщика.

³⁾ Мо-Цзы, философ V — IV в. в. до начала нашей эры, проповедывавший всеобщую любовь. В своей книге он касается логики и всевозможных других тем.

⁴⁾ Один из софистов III века, излагавший учение о праве и законе и давший оригинальный комментарий на многие места Лао-цзы. На русском яз. см. А. И в а н о в „Материалы по китайской философии. Хань Хэй Цзы“. Петерб. 1913.

А на самом-то деле, ведь, если бы в то время, о котором я говорю, я мог пройти полностью хотя бы планиметрию в размере курса средней школы и что-нибудь понимать в механике и экономике, — хотя бы в общих чертах, — то я, конечно, сумел бы понять, чего, в конце-то концов, стоят все эти ссылки на суда Ян Гун'а, геометрию Мо-Цзы, и суждения о „человеческих ртах“ Хань Фэй'я.

Однако и посейчас есть у нас некие почтенные старцы, — да и не без молодых в том числе, — которые мертвой хваткой держатся за подобные суждения ¹⁾. А отчего это происходит? Да просто оттого, что у людей нет систематического знания в области современной науки и философии. Беда именно в этом, и люди, держащиеся поныне подобных воззрений, страдают тем же недостатком, как и я в свое время.

V

В описываемый период моей жизни я, как сказано, был „одержим стремлением и любовью к древнему“ и, в силу этого, не позволял себе изучать что-либо иное, кроме Трех Династий ²⁾ и Обеих Хань ³⁾. От меня требовалось не только писать литературные сочинения (? ⁴⁾, в которых я должен был „следовать и подражать старинным авторам, показывая, что я „вник в древнее“, но даже в обыкновенной иероглифике я должен был нарочно писать знаки причудливо-древним образом, чтобы показать, что я понимаю это самое „древнее“.

Так например, меня зовут Лю Вэньдянь ⁵⁾... (Далее Лю распространяется о том, как учитель заставлял его писать даже знаки, изображающие его имя, причудливо-древним, давно уже не существующим в обычае способом, притом без всяких к этому оснований даже того же самого схоластического порядка. В виду сложности примечаний эта его тирада здесь опущена).

Вспоминая теперь прежние мои пути, я нет-нет да пророню усмешку, да — сам над собой. Но в то время я своей неправоты не видел, и только уже впоследствии, когда я прочел одну-другую

¹⁾ Эти слова Лю Вэньдяня, сказанные им в 1920 году, тем более справедливы что могут быть проверены показаниями любого из европейцев, который когда-либо вступал в спор с китайцем, получившим „нормальное“ конфуцианское образование, но не вышедшим из него интеллектуальной силы и наблюдательности. Пишущему эти строки неоднократно приходилось убеждаться в том, что расстроить в подобной китайской голове прочно („мертво“, по выражению Лю) засевшую в ней ассоциацию положительно-отрицательных токов электричества с „мраком-светом“ Инь-Ян, по мистической теории классической книги перемен (Ицзин), — задача невозможная.

²⁾ Первые династии Ся, Шон, Чжоу (прибл. 2205—255 до начала нашей эры), как конкретное свидетельство исторической древности.

³⁾ Первая (Западная) Хань, Вторая (Восточная) Хань (202 до начала нашей эры — 221 нашей эры), золотой век изящной литературы, непосредственно идущей за классической.

⁴⁾ Знак вопроса принадлежит автору, который, вместе со своими товарищами по реформе, придерживается европейской пунктуации.

⁵⁾ Статья подписана Лю Шуя, что является литературным прозвищем Лю Вэньдяня. Младокитайцы отрешились от скромности старокитайцев подписываться исключительно именем, данным в школе и являющимся в качестве официального.

книгу по истории литературы ¹⁾ и прослушал лекции нескольких настоящих ученых в этой области, — только тогда я начал мало-помалу понимать, что за штука такая ²⁾ литература и в чем, собственно, заключается ее ценность.

Я понял тогда, что литература хорошая и нехорошая, и литература древняя и недревняя — совершенно разные вещи. Понял — и все эти печальной памяти „фокусы“ ³⁾ спрятал про себя.

И сейчас еще, знаете, есть такие молодые люди, которых ставь на самую что ни на есть ровную и гладкую дорогу — не идут, да и все! Непременно вот надо им бежать в эти колючие заросли! Их содержание можно определить так: это всего-навсего лишь Чжоуский котел или Шанский сосуд ⁴⁾, сделанные нынешним нашим каким-нибудь республиканским мастером... Что за польза в этом, скажите?

Я уже потерпел от всего этого и надеюсь, что нынешняя молодежь не будет более играть в эти игрушки!

VI

В описываемое время я, кроме всего уже поименованного, занимался еще одним пустяковым и надоедным делом. Чем же, спросите вы? — А вот чем.

Я нашел, что Ли Шань в своем толковании на „Сборник литературы“ ⁵⁾ приводит цитаты из 840 древних сочинений и из 789 стихотворений. Все эти древние книги большею частью „ныне утеряны“ ⁶⁾. Кроме того, в этих толкованиях есть много слов и фраз, не сходных с „нынешними изданиями“ ⁷⁾. Так вот, я взял да и выписал их группу за группой. Учитель, увидев это, принялся сильно меня расхваливать и засадил меня за проверку текстов (надо бы, конечно, сказать „сравнение и сопоставление“ ⁸⁾), но по

¹⁾ Очевидно, речь идет о книгах, быстро составляемых ныне по японским образцам (а те, в свою очередь, по европейским) и рекомендуемых в новые школы.

²⁾ Стиль автора статьи, — как и прочие, переданные автором, вульгарности.

³⁾ Своей пунктуацией Лю хочет оттенить значение необычного выражения и вульгаризма ба с и, применяемого к площадным штукам, выкидываемым жоками обезьян, акробатами и т. д.

⁴⁾ Древние сосуды, очень почитаемые китайскою археологией, не знающей каменных надписей ранее I в. до начала нашей эры.

⁵⁾ Как сказано выше, этот Сяо Тун'ов сборник содержит в себе много текстов, которые современному китайцу, особенно начинающему, совершенно непонятны. Таковыми же были они, очевидно, уже во время составления сборника (начало VI в. нашей эры), ибо в VII веке Ли Шань, отличавшийся необыкновенною начитанностью и бывший по этой причине наставником наследника престола, составил к сборнику обширный комментарий, указывающий, путем приведения цитат, на параллельные места разных сочинений, а также (что особенно ценно) на возможное происхождение фразы, слова, образа, мысли. Это, если можно выразиться, король китайских комментаторов, когда-либо существовавших.

⁶⁾ Кавычками Лю издевается над часто встречающимся у комментаторов, в том числе и у Ли Шаня, термином, вызывающим в читателе досаду и недоверие к цитирующему.

⁷⁾ Этими кавычками Лю также издевается над приверженностью издателей к „древним изданиям“, что он, повидимому, считает излишним.

⁸⁾ Разница в выражениях, переданных переводчиком, лишь приблизительно указывает в последнем из них, забранном в кавычки, что Лю имеет в виду, с одной стороны, труд филолога (как о том он будет говорить далее), а с другой — механический труд простого корректора.

существо это не отличалось от типографской корректурной работы).

И вот, значит, я теперь изо дня в день сидел, окружив себя спутниками, в роде „Императорского Обозрения“, „Важное для правления“, „Прописи Бо“, „Заметки для начинающих“, „Лес мыслей“ и им подобных ¹⁾.

Должен сказать, что сверка текстов — занятие очень трудное. Для него требуется глубокое понимание тонических чередований, огромная начитанность в массе книг, со способностью все это помнить. Мало того, еще требуется повидать массу отличных изданий старой печати. Тогда только можно несколько приблизиться к тому, чтобы, как говорится, „книга получила от меня пользу“.

К сожалению, я был совершенно чужд всем этим слоям знаний, и единственно, чем я занимался, было отыскивание в той или иной энциклопедии вариантов того или иного знака, той или иной фразы. Найдешь, бывало, какую-нибудь этакую цитату — и чувствуешь себя, словно нашел какую-то драгоценность; сейчас же, честь честью, с благоговением ее списываешь. Таких выписок у меня образовались целые многочисленные тетради.

На самом же деле, не говоря уже о том, что тут получалось, что называется, „извращение правильных написаний“, но подобные выискивания нового и необычного, соединенные с произвольными изменениями текста, заставляли опасаться, что книга от меня пострадает.

Правильно судит об этом Янь Чжитуй ²⁾.

„Сравнить и утверждать книжный текст — разве это легко? С этим делом могли справляться лишь такие люди, как Ян Сюн ³⁾ и Лю Сян ⁴⁾, только им это было по плечу. Ведь тот, кто не читал всех книг нашей Поднебесной, не должен зря судить направо и налево“.

Впрочем, в ближайшее к нам время нельзя сказать, чтобы людей, этим занимающихся, было мало. Однако только таких, как Ван Хуайцзу, Бо Шэнь, Сунь Чжунжун и Юй Иньфу, можно признать благодетелями потомства. Лу Шаогун, Сунь Юаньцао, Янь Тецяо и им подобных тоже можно считать в этом отношении хорошими. За ними идут люди типа Гу Дунбинь, Шанчжи, Хун Пяньсюань ⁵⁾.

¹⁾ Все эти сочинения принадлежат к типу энциклопедий (лэй шу) или, вернее, сборников, в которых литературный и научный материал расположен с минимальным контекстом в группы, — что дает возможность цитировать давно исчезнувшие сочинения, наводить справки при непонимании трудных мест, а главное — писать стихи с богатым содержанием.

²⁾ Янь (531 — 595 нашей эры) — автор известнейшего поучения семье, воспитательного характера, распространенного повсюду в виде каллиграфических прописей, снятых с надписанной им самим плиты, а также филологических работ, очень ценных, особенно по времени их происхождения.

³⁾ Ян Сюн (53 до начала нашей эры — 18 нашей эры) — крупный поэт и филолог своей эпохи, известный автор словарей и исследований, прикосновение к которым европейской науке будет для этой последней самым благодетельным.

⁴⁾ Лю Сян (77 до начала нашей эры — 6 нашей эры) — известный составитель первого каталога большой императорской библиотеки. Он сообщил потомству свой метод и классификацию.

⁵⁾ Все эти авторы, не легко разыскиваемые по справочным изданиям и, кроме того, слишком многочисленные для выписывания в примечаниях, — все они, очевидно, более или менее известные библиофилы и издатели текстов. Странно, что среди них не встречаются имена издателей, в роде Жуань Юаня (в начале XIX столетия) и Лу Синь Хюаня (в конце) — крупнейших для Китая последнего столетия.

Что же касается тех, кто идет на это дело с тем, чтобы долбить, сверлить, подгонять, валить в кучу, утверждение делать отрицанием и т. д., то разве это сколько-нибудь похоже на дело?

По-моему, если современный китаец не собирается стать специалистом по отечественной словесности, то ему, собственно, можно и не читать древних книг¹⁾; ну, а если он желает посмотреть в них так просто для развлечения, то к его услугам есть много разных изданий, „чинящих и выправляющих ошибки и пропуски“, — этого и предостаточно!

А что, если бы все эти мои преподаватели, люди, как говорится, „с золотым корнем и пустым цветком“, вместо того, чтобы обременять меня книгою, научили бы меня добывать из книги пользу!

Верно, что я к тому времени прочел несколько древних книг, но это я делал исключительно с целью добросовестно посмотреть, соответствует или нет данная фраза фразе из „Императорского Обозрения“, разнится или нет та - другая фраза от „Элементов правителя“. Я так усердствовал при этой работе, что у меня уже не оставалось сил читать книгу еще раз для наблюдения над общим ее духом и смыслом. Потратив зря столько сил, никакой пользы не получил.

Вот почему позвольте, господа, вам сказать, что если вам действительно необходимо сидеть над древними книгами, то, конечно, в этой области, о которой я говорил, вам нельзя, чтобы не знать хоть немножечко. А то ведь выйдет, что вы, схватив в руки лавочное издание, будете зря гадать и кое-как измышлять смысл. Этого не должно быть. Так, например, у целого ряда авторов (Сюнь-Цзы, Мо-Цзы, Янь-Цзы) встречаются разночтения²⁾, которые, как ни угадывай, все равно не поймешь. И только тот догадается, кто знает их „стиль“.

Что же до сравнения текстов, это уже особая специальность, и если у тебя нет особой страсти к „ежедневной думе о книгах с ошибками, являющейся особым наслаждением“, то ни за что на свете не пробуй за это садиться.

А то, получив вершу, забудешь про рыбу; сам себя надуешь, да еще повредишь другим своими исправлениями.

VII

Теперь, господа читатели, подумайте сами, мог ли я, занимаясь подобными делами, учиться, как следует, настоящим предметам преподававшимся в нашей школе?

Я, конечно, всей душой верил в то, что принципы Мэй Вэнь-дика³⁾ выше Воинсаргэ⁴⁾. Математику, преподававшуюся в учи-

¹⁾ Этот пункт младокитайцев особенно занимает: в нем они видят избавление от рутины старого Китая и исцеление на пути к Китаю новому. Слышать подобные речи от „профессора китайской филологии“ в Пекинском университете, конечно, занимательно.

²⁾ Приводятся примеры, которые трудно передать без иероглифов, как ни опи-сывай последние.

³⁾ Умер в 1721 г. Автор многочисленных трудов по китайской астрономии, в которых сравнивал и критиковал китайские и восточные способы времясчисления.

⁴⁾ Орфография оригинала, — возможно, опечатка, — объясняется тем, что начальные звонкие взрывные (б, г, д) китайцы не отличают в европейских языках (франц. и англ., не немецком) от соответствующих глухих (п, к, т).

лице, я не считал ни во что. Биологию и химию преподавал нам один японец, но через месяц прекратил. К прочим наукам я тоже не очень-то горел сердцем. Результаты, конечно, были самые плачевные.

К счастью моему, этот самый преподаватель отечественной словесности, у которого я занимался, оценил мои успехи в языке, географии, истории и логике по 150—160 баллов (когда я ругал манджуров, набавлялось; не ругал—убавлялось по 10 баллов). По выведении средней отметки кое-как дотащили меня до нормы, и я училище окончил.

По его окончании все прочие мои товарищи могли поступить каждый в какое-либо высшее специальное училище. Однако, что касалось меня, то у меня с алгеброй и геометрией было плохо, в биологии и химии я вовсе ничего не понимал. Следовательно, ни на экзамен из восточных предметов я не годился, ни на экзамен из западных предметов меня бы не взяли. Я не попал ни в одно специальное учебное заведение.

Только теперь я уразумел, что, хотя мир и широк, для меня в нем места все же нет. Раскаялся я, что так легкомысленно отнесся к современным знаниям, но было уже поздно.

Я опять помчался в Шанхай, где поступил в американское миссионерское училище. Ну-с, там никаким древностям уже не учили; зато каждый день, кроме английского языка, обязательно учили, как надо молиться. Я, знаете, не верю ни в чертей, ни в добрых духов; презираю, ненавижу людей религии. Однако, смотря на это дело с точки зрения английского языка ¹⁾, я делал над собой усилия и шел в христианский храм, где вслед за всеми монотонно тянул „amen“. На душе было тяжело, больно.

Кроме английского языка, в котором я сделал некоторые успехи, я в этом миссионерском училище ровно ничего не приобрел. Все эти пасторы твердили нам каждый день о том, как верховный владыка ²⁾ создал в семь дней весь мир, и как Есу (Иисус) творил много чудес. Я слушал их, но в душе хохотал, не желая вовсе этому верить. Однако, раз я вырвался из кольца всех этих древностей, цветистых и пахучих, то считал себя совершенно свободным. Надо сказать, что в то время до нашего училища еще не докатилась волна увлечения охраной отечественных ценностей.

Я часто задумывался теперь над такими вопросами. Конечно, мир не создан Ехэхуа (иеговой) в семь дней. Ну, а как же тогда он появился? Точно так же и человек не создан Ехэхуа из земли. Да, но как же он родился? Люди, конечно, не получают в последний день окончательного суда, чтобы праведные возносились в рай, а неправедные шли в ад. А все таки, что они будут делать?

На все эти вопросы в древних книгах от времени до времени находишь ответы, но все какие-то темные-темные, мутные-мутные,—

¹⁾ Зная этот взгляд на вещи протестантских неопитов, католические миссионеры начинают учить катехизаторов из китайцев сначала латинскому языку, а уже потом французскому. Зикавэй, центр иезуитской пропаганды в Шанхае, насчитывает много достойнейших ученых китайцев, прошедших подобную школу.

²⁾ Так искусственно протестантские миссионеры обозначают бога, за неимением более подходящих терминов. Как известно, слово бог точного эквивалента на китайском языке не имеет.

несколько неясных фраз, не могущих меня удовлетворить. И думал я: если этих вопросов не разрешить, то как тяжело и скучно будет жить!

Я слышал, что у западных есть там какой-то Bacon, Kant, какие-то Darwin, Spenser — все мыслители: они-то, думал я, сумеют мне ответить! Побежал в лавку искать этих авторов.

В первый же день мне удалось достать Bacon'ов сборник статей. И вот, роясь в словаре, спрашивая учителя, напрягая все свои силы, наконец, прочел. Однако тревоживших меня вопросов, о которых я говорил выше, и эта книга не могла решить. Что до прочих книг, их я не мог разыскать (да и по сей день их в Шанхае не достать, что жаль).

Оставалось, значит, вдумываться усилиями собственного мозга. Но чем больше я раздумывал, тем ярче вставали предо мной противоречия.

Однажды мне пришло в голову несколько замечательных мыслей, и когда я в разговоре с друзьями изложил их, то они хором давай меня хвалить за высокие и удивительные мои идеи. Я-де, мол, великий философ, сам лишь себя позабывший; да с таким, как у меня, мозгом можно-де надумать самую отвлеченно-чудесную, возвышенную философию. А изучать Kant'ов, Bacon'ов, Descartes'ов. Spenser'ов, всех этих, так называемых, ученых философов, это просто значит уметь сидеть себе в покойном кресле и открывать автора с необыкновенными сентенциями — вот и все!

С другой стороны, я, опять же, слышал от очень многих (да и читал во многих книгах и журналах), что западно-заморская философия мелка, поверхностна: куда ей до древней китайской!.. Не то мне верилось, не то брало сомнение.

А в это время мой учитель словесности, о котором я столько говорил раньше, испугавшись свирепствовавших тогда арестов манчжурского правительства, убежал в Японию. Мне тоже опротивел этот „пасторский дух“ миссионерской школы, и я тоже решил ехать в Японию учиться.

VIII

Как я указал выше, мои дела с предметами школьных наук были очень плохи. Держать экзамен для поступления в какое-нибудь высшее специальное училище для изучения самых нужных предметов, в роде земледелия, технологии, медицины, — не было никаких надежд. Кое-как еще можно было начать изучение права, законодательства, экономики, но охоты к ним у меня не было.

Я чувствовал, что предметы, в роде земледелия, технологии, медицины, требует правильного, систематического подхода, которого мне было не сделать. Оставались только философия и литература, рисовавшиеся мне воздушными теремами, существующими где-то в пустоте и отвлечении. Можно, думал я, рассчитывать на мои собственные далекие мысли, для чего никакой тяжелой работы не требуется. Этот путь, по моим расчетам, был самый легкий, и на нем наблюдать собственный прогресс было также легче всего. Вот почему, прибыв в Японию, я не хотел подготавливаться по мате-

матике, физике и химии для поступления в одно из высших специальных учебных заведений, а всей душой шел к философии и литературе, как к наиболее легким по процессу и получению результатов предметам.

Откуда мне было знать тогда, что философия является самой трудной дисциплиной; что „философия — по словам Bergson'a — выходит из последней точки науки“; что мысль тоже должна пройти через школу и упражнение, а „думать зря и мыслить как попало“¹⁾ никуда не годится?

Сидя в Китае, я по-английски читал лишь вещи, в роде рассказов из Са²⁾ и учебника английского языка Сывэнштун'а³⁾, и то чувствовал, что это куда хуже даже „Литературного Сборника“⁴⁾. А тут еще я узнал, что Васон писал не на английском, а на латинском языке, который скоро совершенно исчезнет. Я и решил, что изучать европейскую литературу не стоит. Гораздо легче будет изучать литературу китайскую. Кроме того, думалось мне, в китайской литературе знай себе подражай, чтобы было похоже — и баста⁵⁾. Ну а в иностранной литературе надо самому все создавать. Известно всему миру, что подражать легче, чем творить. И я был особенно доволен, что избрал именно этот предмет. Тем не менее, эта самая моя мысль и закопала меня живьем в глубокую яму.

Думается мне, что далеко не одним мною ограничивается число людей, держащихся подобного рода суждений. Я сам видел очень много молодых людей (даже из обещающих), которые, повидимому, грешат этою слабостью. Они не особенно-то прилежны к наукам, в роде математики, физики, химии, — наукам, портящим кровь и сердце, но любят высокую болтовню⁶⁾ о философии и пошаливанье с литературой, принимая за философию отвлеченные мысли, плавающие где-то в безбрежных небесах, а за литературу — цветистую, актерскую забаву. Понятия этого рода, если говорить серьезно и взять вопрос несколько глубже, не что иное, как только лень и небрежность мысли.

Позвольте, господа читатели, вас убедить в том, что всякий человек на свете, — будь то мудрый или глупец, бедный или удачливый, — всякий несет на себе некоторую долю обязательств по отношению к культурной инициативе. Если вы выберете себе специальностью земледелие, промышленность, медицину⁷⁾, то, принося

¹⁾ Из разговорного языка.

²⁾ Из Шекспира (первый слог Shakespear).

³⁾ Swinton?

⁴⁾ Речь идет о Сборнике (Вэнь Сюань), аттестованном на предыдущих страницах как книга, заключающая в себе наитрудные по языку литературные произведения.

⁵⁾ Если, вообще, где-либо теория литературы и есть только теория подражаний, то это в Китае, где каждый литературный жанр был использован последующими подражателями до конца. Кроме того, здесь автор, явно шаржируя свое прежнее дореформенное умозрение, говорит о практическом изучении литературы путем усваивания из прочитанных книг старинного стиля, — усваивания, входящего в программу и требования конфуцианских экзаменов в былом Китае.

⁶⁾ Высокоумную, отвлеченную, как на темы Лао-Цзы или Чжуан-Цзы.

⁷⁾ В былое время Китай знал следующую формулу своего социального состава: земледельцы, рабочие, купцы, ученые. Автор, как социалист, не любит считать торговцев социальным слоем, а, как младокитаец, считает старую касту конфуцианских начетчиков исчезнувшей.

массам некоторую пользу, вы уже исполните свой долг. Но если в вас нет подлинного философского гения, то ни под каким видом не соблазняйтесь на этот путь. Дело в том, что философия есть синтез всех дисциплин, и если вы хотите ею заняться, то это возможно лишь на базе психологии, логики, биологии; эти же последние, в свою очередь, зиждятся на „подготовительных науках“ в виде математики, биологии, химии.

Знайте, что век „философии пустых ¹⁾ дум“ давно уже прошел. Не будем говорить о том, что построить свою собственную философскую систему и занять в истории философии почетное место, есть вещь бесконечно трудная, но чтобы даже, вообще, понимать, хоть немного, эволюцию человеческой мысли на протяжении веков, а равно и тенденции современной философии, не впадая при этом самому в модные течения мысли, — то и для этого требуется несколько лет трудолюбивого чтения и глубокого раздумья. Уж на что наши китайские современные философы — все молодежь, а и они не позволяют тебе писать зря.

Что касается, теперь, литературы, то она — как бы бесфигурная картина человеческой жизни. И если у тебя нет самой ясной и острой наблюдательности, соединенной с самым возвышенным и богатым воображением, а рука твоя не развила высшей проникновенности и мастерства, то, надеясь исключительно на пышный набор красивых фраз, которыми ты создаешь мираж своего внутреннего богатства и доказываешь свое проникновение в древность, ты будешь лишен возможности сделать в науке хоть один шаг.

И вот, я, смерив и оценив себя, решил, что не гожусь... Сжался, съезился, втянув голову в плечи, и стал скрывать свое убожество.

IX

Однако, от праздных слов к делу! Буду рассказывать дальше.

Приехав в Японию, я свиделся со своим бывшим учителем... Но кто б мог думать, чтобы он к этому времени уже успел изменить все свое мировоззрение и стать в ряды самого крайнего Anarchism'a! Он изучал Esperanto и не очень-то теплил в себе любовь к старокитайской науке. У меня дух так и упал, и я не стал особенно с ним заниматься. Кроме того, он вскоре уехал в Шанхай.

Оставшись в Японии один, я стал ходить со своей чашей ²⁾ от двора к двору, стараясь утолить мозговой голод. Сегодня я покупал так, завтра этак. В Японии книги покупать очень легко и удобно, так что я, как услышу, бывало, про какого автора, так сейчас и бегу его покупать.

Накупил целую массу книг, сел заниматься со словарем в руках. Читаю, читаю, — а все, что называется, „не понимаю, да не

¹⁾ Конечно, слово кун „пустой“ значит: отвлеченный, — как и было оно передано в предыдущем тексте. Однако наш автор забрал это выражение в кавычки и тем, как кажется переводчику, придал ему характер иронии, исходящей из первого его значения.

²⁾ Как буддийский нищенствующий монах.

понимаю“. В описываемое время я уже не смел смотреть на западно-европейскую философию пренебрежительно, считать ее чем-то поверхностным. Тем не менее, „не понимаю“ так и осталось „не понимаю“.

Как-то случайно мне указали, что, мол, если этак беспорядочно читать, то читай хоть сто лет — все будет зря, и дали мне совет сначала прочитать одну-другую книгу из содержащих общие очерки философии, а затем еще одну-другую по истории философии. Я послушался и прочел общий курс философии Ierusalem'a и историю философии Windelband'a и Webe¹⁾. И только тогда, можно считать, смутно-смутно, еле-еле я понял, что за штука такая философия; сколько в ней заключается вопросов и в каком виде их решали древние философы.

Затем, я в книгах часто встречал упоминание о животной эволюции и не понимал, что это за вещь. Взял я Darwin'ово „Происхождение видов“, но в чем там соль, так и не увидел; понял кое-что, впрочем, уже впоследствии из японских книг о Дарвине.

Наконец, взялся я читать „Мировые загадки“ Heascke²⁾ и его же „Немыслимое в жизни“³⁾, и когда прочел, то со мной случилось не что иное, как, что называется „раскрылись тучи, увидел солнце“. Многие из моих давних недоумений и неразрешимых вопросов были по-настоящему здесь разрешены, и с этих пор я понял, наконец, воистину, что надо чтить современную науку. Понял я также и то, что философия от биологии неотделима, и что все вопросы, как государственные, так и социальные, надо решать на почве биологии; и что, наконец, не только прохождение китайской науки, но и европейской философии, если последняя лишена специальной подготовки, никуда не годны.

Таким образом, мое мировоззрение с этих пор мало-помалу установилось. Правда, ветви и листья моего дерева, когда я изучал корифеев современной науки, от времени до времени несколько менялись, но корни уже не шевелились. С этих пор я открыл все засовы и запоры моей мысли, сидевшие во мне колодой после изучения истории, и разбил всю фальшивую традицию и рутинную мысль. Только опираясь на свет разума, не боюсь я окружающей меня со всех сторон темноты.

Я считаю теперь, что и в этих, и в социальных регламентах, и в экономической организации, все то, что не совпадает с принципами биологии, — все это надо реформировать.

Остается пожалеть, что, обманув себя в молодости, не удовлетворив своих стремлений в биологии и философии, я теперь напоминаю, как говорится, „застывшую ворону, устраивающую старое гнездо“, и иду учиться снова. Слишком поздно!

Вот вам моя Contession⁴⁾.

Перевел с китайского
В. Алексеев.

1) Орфография статьи, — вероятно, в плохой корректуре.

2) Орфография китайской статьи.

3) „Чудеса жизни“.

4) Орфография статьи.